

политика

А. Н. Смирнов

ИСПЫТАНИЕ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМОМ: КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ КОНСЕРВАТИЗМА¹

Ключевые слова: Европейский союз, европейская интеграция, консерватизм, евроскептицизм

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?»).

Политический ландшафт современной Европы сотрясают тектонические процессы, зародившиеся в недрах постбиполярного миропорядка. Их масштабы колоссальны, а последствия могут стать поистине катастрофическими для государственных устоев и социально-политического уклада Старого Света. Судить о сути происходящих перемен пока еще рано, но текущие события позволяют говорить о некоторых устойчивых закономерностях. В частности, очевидный кризис европейского интеграционного проекта, судя по всему, не случайно совпал с кризисом идентичности европейских консерваторов.

Проследим, как эти силы, на протяжении последних лет определявшие лицо европейской политики, воспринимают кризис европейской интеграции и как они видят будущее своих стран сквозь тучи, ступившиеся над Евросоюзом. Скажем сразу, что в поведении упомянутых сил не было и нет какой-либо объединяющей константы, дающей основания хотя бы предполагать наличие некоего специфического «консервативного подхода» к общеевропейским делам. Равным образом это относится и к правительственным кругам, на практике реализующим соответствующие установки.

Для начала в общих чертах обозначим суть проблем, приведших европейский проект в состояние кризиса, а также более пристально рассмотрим порожденную им волну евроскептицизма, поскольку именно он в различных своих ипостасях считается характерной и едва ли не важнейшей чертой консервативного мировоззрения.

На всех этапах европейской интеграции велись многочисленные дискуссии о ее путях и целях, обсуждались и критиковались связанные с нею процессы и явления. Однако в том виде, в каком проект единой Европы осуществляется с конца 1990-х годов, он вызывает нарастающее сопротивление граждан, причем не только в «проблемных» странах. В ходе объединения реализовывалась довольно жесткая неолиберальная экономическая модель, неотъемлемыми элементами которой стали сокращение заработной платы и социальных расходов, ослабление институтов социальной защиты, ликвидация устойчивой занятости и т.д.

Изначально непростую ситуацию усугубил мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. После прохождения основной,

острой фазы кризиса, всколыхнувшей мировую политику и угнетающе подействовавшей на глобальную экономическую конъюнктуру, дали о себе знать последствия прокатившегося «шторма». Их в полной мере ощутила на себе Европа. Первыми под удар попали «слабые звенья» европейской интеграции. Уже в 2010 г. Греция, Испания, Ирландия, Исландия и ряд других стран вплотную приблизились к дефолту, столкнувшись с невозможностью дальнейшего размещения на рынке своих долговых обязательств. Такое положение дел привело к резкому ослаблению общеевропейской валюты, поставившему под угрозу само существование Евросоюза.

В рамках сложившейся системы проблема могла быть решена двумя способами. Первый — это исключение «финансово недисциплинированных» (не способных или не желающих придерживаться принятых ограничений государственного долга и дефицита государственного бюджета) стран из еврозоны. Однако этот путь чреват цепной реакцией дефолтов с последующим банкротством кредитовавших соответствующие страны банков и, стало быть, вовлечением в острый финансовый кризис уже и банковских систем стран-кредиторов. Кроме того, при таком развитии событий неизбежно падение политического доверия к ЕС как к структуре, которая не в состоянии защитить своих членов в кризисных обстоятельствах. Следствием наложения данных факторов мог стать распад либо заметное ослабление Евросоюза и единой европейской валюты, что, в свою очередь, разрушило бы создававшуюся на протяжении десятилетий защиту от инфляционной диктатуры американского доллара и вернуло бы прежнюю ситуацию, когда ФРС печатает доллары, а Европа вместе со всем остальным миром обеспечивает их платежеспособность собственным производством.

Второй способ (который в итоге и был избран) — фактический пересмотр принципов, лежавших в основе формирования Евросоюза и не допускавших финансирования суверенных долгов и бюджетных дефицитов из союзной казны. Такой вариант, впрочем, тоже сопряжен с ощутимыми рисками. С одной стороны, он открывает возможность для проведения безответственной бюджетной политики (чем больше потратил, тем на большую помощь можешь претендовать). С другой стороны, создается новый вектор недовольства, также угрожающий развалом ЕС: теперь мотивация к выходу из Союза появляется у стран-доноров, не желающих оплачивать мотовство иждивенцев. Борьба вокруг описанных вариантов без преувеличения составляет квинтэссенцию европейского политического процесса. Занимаемые в ней позиции являются тем отправным пунктом, отталкиваясь от которого политики европейских стран утверждают свою идентичность. Различия во взглядах на проблему не только определяют расстановку политических сил в «единой Европе», но и образуют смысловую матрицу этого странного «единства».

Для того чтобы поставить заслон на пути разрастания бюджетной безответственности получателей помощи, предоставление таковой

было оговорено рядом жестких условий по снижению государственных расходов. Как и следовало ожидать, существенная часть экономии пришлась на социальные расходы. То есть издержки вызванного финансовыми спекуляциями глобального кризиса были переложены на плечи «народных масс» — трудящихся и пенсионеров. При этом курс на сокращение социальных расходов (в частности, через повышение пенсионного возраста) был взят не только в странах-банкротах, но и в странах-донорах.

Закономерным результатом такой политики стал всплеск массового недовольства, в большей или меньшей степени отмечаемый на всем пространстве Евросоюза. Многолюдные акции протеста, забастовки рабочих и служащих, студенческие волнения, демонстрации, периодически перерастающие в серьезные столкновения с полицией, не утихают уже третий год. Наиболее яростный протест против политики Евросоюза выражают граждане Греции, вынужденные расплачиваться за жесткие финансовые условия, выдвигаемые Брюсселем.

Необходимо заметить, что еще до наступления мирового кризиса проекты бюрократического «доставивания» союзных структур вызывали открытое неприятие со стороны населения ряда европейских стран, что проявилось, в частности, в протестном голосовании на референдумах по общеевропейским конституционным документам. В 2005 г. Франция и Нидерланды проголосовали против принятия Конституции Европейского союза, а в 2008 г. большинство жителей Ирландии высказалось против Лиссабонского договора, призванного заменить собой так и не вступивший в действие Основной закон. И хотя год спустя, после массивной пропагандистской кампании, проведенной руководством ЕС с целью пресечь отклонения от заданного курса, Ирландия поддержала предложенный документ и Договор был подписан, будущее единой Европы вызывает немало вопросов как в экономическом, так и в политическом плане. В этих условиях едва ли приходится удивляться тому, что голоса политиков, скептически настроенных в отношении европейского проекта, звучат все громче. Отталкиваясь от своих мировоззренческих установок, представители различных политических сил пытаются понять причины происходящего и определить, что же делать дальше.

* * *

Евроскептицизм весьма многообразен в своих политико-идеологических основаниях и конкретных проявлениях. Если рассматривать данный феномен предельно широко, к числу евроскептиков следует отнести всех критиков Европейского союза и его институтов, а также тех или иных аспектов европейской интеграции и евроинтеграции как таковой. Партии, разделяющие евроскептические установки в таком их понимании, играют немалую роль в политической жизни многих европейских стран и представлены как в национальных ассамблеях

разных уровней, так и в Европарламенте. Вместе с тем в их взглядах на объект общей неприязни имеются немалые расхождения. Если правые евроскептики озабочены прежде всего подрывом принципа национального суверенитета, то для левых главной мишенью является неолиберальный характер экономической политики. При этом и те и другие критикуют непрозрачность избрания руководящих органов Евросоюза, кулуарность принимаемых ими решений и отсутствие реальных возможностей для контроля над их реализацией со стороны населения государств — членов ЕС.

Таким образом, чисто теоретически для распространения евроскептицизма нет серьезных политико-идеологических ограничений. Против европейской интеграции по тем или иным соображениям могут возражать партии любой политической направленности. Следовательно, евроскептицизм нельзя считать оформившейся политической идеологией или элементом какого-либо идеологического течения — разные политические силы вкладывают в это понятие неодинаковый смысл и зачастую выступают с позиций евроскептиков, оставаясь принципиальными идеологическими противниками. Тем не менее существуют определенные закономерности. Они выражаются в том, насколько четкую позицию занимают партии, представляющие ту или иную часть политического спектра. Например, большинство левых партий придерживаются умеренного евроскептицизма, тогда как национал-консервативные и ультраправые партии в массе своей склонны к жесткой критике евроинтеграции. Поэтому их принято именовать «жесткими евроскептиками».

В то же время следует признать, что евроскептицизм развивается преимущественно в рамках консервативной и правоконсервативной идеологии, причем активность его приверженцев особенно ярко проявляется на общеевропейском уровне. Именно евроскептицизм составляет практическую основу сотрудничества целого ряда правых партий внутри ЕС. В связи с этим он предстает в качестве важного транснационального элемента современного европейского консерватизма, хотя отнюдь не исчерпывает всего идейного многообразия сил, с которыми ныне ассоциируется понятие «консерватизм». Определенная — и весьма значительная — часть консерваторов или, точнее, политически активных европейцев, принадлежащих к партиям либерально-консервативного толка или просто симпатизирующих им, позитивно относится к углублению европейской интеграции. Такого рода энтузиазм, впрочем, нельзя назвать безоглядным. Подобно евроскептикам, сторонники интеграции, как правило, руководствуются прагматическими соображениями, производными от представлений о национальных интересах конкретных государств. Данное обстоятельство в числе прочего не позволяет говорить о едином консервативном лагере, разделяющем общие установки и ценности.

* * *

Точку зрения евроскептиков консервативного толка отражают в Европарламенте фракции «Европейские консерваторы и реформисты» и «Европа за свободу и демократию». Первую из этих фракций, включающую в себя представителей британской Консервативной партии, чешской Гражданской демократической партии, польской партии «Право и справедливость», а также ряда менее влиятельных партий из других стран², принято относить к «мягким евроскептикам», позиция которых не подразумевает принципиального неприятия европейской интеграции или членства в Европейском союзе³, а главными объектами критики являются издержки интеграции, прежде всего неоправданное перераспределение материальных ресурсов и накопление бюрократического «балласта». В так называемой Пражской декларации 2009 г. — программном документе «Европейских консерваторов и реформистов» — говорится, что подписавшие ее партии поддерживают суверенную интеграцию национальных государств, противостоят федерализации Европейского союза, выступают против чрезмерной бюрократизации ЕС и за большую прозрачность его институтов. В социально-экономической сфере фракция придерживается классических либеральных установок, отстаивая свободу предпринимательства, торговли и конкуренции и высказываясь за минимизацию вмешательства правительства в дела экономики⁴.

² См. *Brief History* s.a.

³ *Szczerbiak, Taggart 2008*.

⁴ *Prague Declaration* s.a.

Позиция британских консерваторов и их единомышленников из других стран во многом базируется на взглядах, сформулированных Маргарет Тэтчер в период ее премьерства. Неолиберальный проект интеграции, предложенный Тэтчер, исходил из необходимости сохранения суверенитета европейских государств. Не будучи принципиальной противницей членства Британии в тогда еще Европейском экономическом сообществе (предшественнике Европейского союза), Тэтчер считала, что функции ЕЭС должны сводиться к обеспечению свободной торговли и эффективной конкуренции. В 1988 г., выступая с речью в Брюгге, Тэтчер подвергла критике проекты, предполагавшие как политическую, так и экономическую централизацию Европы, в частности заявив: «Мы не для того успешно ужимали границы государства в Британии, чтобы затем наблюдать их восстановление на европейском уровне — с европейским сверхгосударством, осуществляющим новое господство из Брюсселя»⁵.

⁵ *Thatcher 1988*.

В последние годы евроскептицизм Тэтчер актуален как никогда. Правящая в Великобритании Консервативная партия рассматривает возможность постепенного дистанцирования страны от охваченного кризисом Евросоюза. На проходившей в октябре 2011 г. партийной конференции лидер консерваторов Дэвид Кэмерон отметил, что долговой кризис представляет угрозу не только для еврозоны, но и для британской экономики. По словам премьера, у Брюсселя пока есть шанс «укрепить банки в Европе и выстроить необходимую защиту», но

времени остается все меньше. Если развал еврозоны все же произойдет, признал Кэмерон, для Британии настанут нелегкие времена⁶.

⁶ *Holehouse s.a.*

Озвученные Кэмероном опасения стали катализатором антиевропейских настроений, набирающих силу в среде британских консерваторов. Показателем нарастания таких настроений может служить тот факт, что участники конференции всерьез обсуждали возможность проведения референдума о выходе Британии из ЕС. В поддержку этой идеи выступил, в частности, мэр Лондона Борис Джонсон. Глава кабинета, однако, занял более сдержанную позицию. Комментируя выдвинутую инициативу, он высказался за возврат части делегированных Брюсселю полномочий, но против крайностей, включая постановку вопроса о референдуме. «Большинство не стремится к тому, чтобы Британия покинула ЕС, они просто хотят видеть, что Брюссель идет по пути реформ и что каждая из стран Евросоюза играет надлежащую роль», — пояснил он⁷. Спустя месяц, выступая на банкете в финансовом центре Лондона, Кэмерон вновь пообещал, что воспользуется кризисом, чтобы вернуть власть, которую забрал Брюссель⁸. Очевидно, что подобные заявления делаются в расчете на целевую аудиторию в лице евроскептиков внутри партии. Хотя нынешний премьер-министр по многим параметрам отходит от традиционной идеологии тори, он не может игнорировать установки своих однопартийцев. В условиях явного усиления евроскептиков, которые начинают доминировать во внутрипартийных дебатах, лидер консерваторов, как бы стоек он ни был, вынужден учитывать данное обстоятельство.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Cameron 2011.*

Тем временем вопрос об отношениях Соединенного Королевства с Евросоюзом достиг британского парламента. Вопреки позиции кабинета, часть заседающих в Палате общин однопартийцев премьера заявила о намерении добиваться проведения референдума, настаивая на том, что страна должна либо покинуть ЕС, либо пересмотреть условия своего участия в объединении. Перспектива раскола консерваторов вызвала панику в руководстве партии. Ведь хотя Кэмерону пока удается контролировать поведение собственной фракции, ситуация меняется, и число готовых нарушить партийную дисциплину может возрасти. Согласно имеющимся данным, немалое число депутатов-консерваторов, без видимого энтузиазма воспринявших инициативу своих коллег, на деле разделяет позиции евроскептиков⁹. Как поведут они себя при голосовании, будут ли ориентироваться на руководство фракции или выразят собственное мнение, у Кэмерона уверенности нет.

⁹ *David Cameron 2011.*

Имея серьезные проблемы с однопартийцами, британский премьер скорее уверен в соперниках-лейбористах и союзниках из либерально-демократического лагеря. Фактически их усилиями сохраняется положение, при котором, несмотря на острые заявления в адрес ЕС, все три основные фракции Палаты общин продолжают официально поддерживать status quo. На фоне господствующих евроскептических или даже еврофобских настроений единственными известными политиками в стране, не скрывающими теплого отношения к Европе, являются лидер

либеральных демократов, заместитель премьер-министра Ник Клегг и бывший министр иностранных дел Дэвид Милибэнд, входящий в руководство Лейбористской партии. Так, в частности, когда встал вопрос о референдуме, Клегг приложил немало усилий, чтобы вернуть «замечтавшихся» евроскептиков «на землю», обратив внимание своих партнеров по коалиции на крайнюю сомнительность попыток пересмотреть отношения с ЕС или отобрать назад делегированные ранее полномочия. По словам Клегга, «мысль о том, что можно просто сесть на поезд, приехать в Брюссель, а потом вернуться с полной сумкой власти, просто нереальна», и только «популисты, шовинисты и демагоги» получают выгоду от дебатов, посвященных данной теме¹⁰.

¹⁰ Фолькери б.г.

Как бы то ни было, осень 2011 г. не стала поворотным моментом в отношениях Великобритании со странами Евросоюза. Влиятельной группе евроскептиков, во многом определяющей лицо Консервативной партии, не удалось добиться желаемого. Впрочем, остается открытым вопрос: так ли сильно они этого желали? Навязчивое стремление вбить клин между «туманным Альбионом» и континентом обычно возникает у консерваторов в преддверии выборов, когда необходимо завоевывать голоса избирателей, критически настроенных к ЕС. Так что подобные демарши, несомненно, будут повторяться. Приведет ли следующий «бунт» против Евросоюза к каким-то ощутимым сдвигам, будет зависеть от состояния европейской экономики и расстановки сил в руководстве ЕС.

Очевидно, что ситуация складывается не лучшим образом. Об этом свидетельствуют непрерывные дипломатические баталии между Лондоном и континентальными столицами, стремящимися к углублению интеграции. Весь 2012 г. прошел в нешуточных столкновениях, доходивших до прямых перепалок между лидерами государств. А в январе следующего года Кэмерон выступил с решительным заявлением, официально пообещав провести референдум по вопросу о членстве Великобритании в Евросоюзе в случае победы консерваторов на выборах 2015 г. Премьер-министр подчеркнул, что не желает выхода страны из Евросоюза, однако у Соединенного Королевства, похоже, нет иных средств повлиять на политику Брюсселя. Согласно Кэмерону, Великобритания останется активным участником ЕС, только если союзные структуры проявят большую эффективность¹¹.

¹¹ См. Cameron 2013.

В Британии и раньше было немало недовольных, считавших, что членство в Евросоюзе налагает неоправданно тяжелое бремя на все отрасли национальной экономики. Протестовали рыбаки, вынужденные допустить конкурентов в экономическую зону страны. Протестовали фермеры, страдающие от ограничительных мер правительства и дополнительных налогов в пользу сельскохозяйственных производителей на континенте. Протестовали все, кто видел корыстные мотивы в действиях евробюрократии, отводящей Британии роль финансового донора для восточноевропейских членов ЕС. Кризис усилил недовольство, существенно расширив его социальную базу.

Любопытно, что Восточная Европа демонстрирует собственные образцы евроскептического консерватизма, мало в чем уступающие британским. Весьма показательна в этом плане позиция бывшего президента Чехии Вацлава Клауса, изложенная, в частности, в статье «Почему Европа должна отвергнуть централизацию», где лидер Гражданской демократической партии, настаивая на необходимости отказа от идеи построения «государства Европа», высказывается в пользу создания Организации европейских государств, членство в которой будет «мотивировано только разделяемой всеми верой в способность государств-членов совместно действовать в некоторых областях для достижения общих интересов»¹².

¹² См. Klaus 2005.

Клаус, без сомнения, относится к числу наиболее видных евроскептиков современности. Его последовательный евроскептицизм зиждется на традиционных консервативных ценностях и «культе» государственного суверенитета. Как известно, занимая президентское кресло, Клаус до последнего оттягивал подписание Лиссабонского договора, уже ратифицированного парламентом Чехии, и только после повторного решения Конституционного суда, подтвердившего, что договор не противоречит Конституции страны, под ним появилась президентская подпись. В итоге Чехия оказалась последней страной, утвердившей документ, призванный исполнять роль Конституции Европейского союза. Примечательна также позиция Клауса в отношении единой валюты. Являясь последовательным противником экономической централизации, он еще в 2008 г. предупреждал: «Если Европа не проснется, ее ждут тяжелые времена. Единая монетарная политика тогда не поможет. Входящие в еврозону страны уже по-разному реагируют на повышение курса евро по отношению к доллару, на рост стоимости энергии, продовольствия и сырья, а также на конкуренцию из Азии. ...На практике существование евро демонстрирует, что принуждение экономически разнородной Европы к однородной организации посредством принятия политического решения является, по сути, политической инженерией, совсем не полезной для всех заинтересованных стран»¹³.

¹³ Klaus 2008.

Свой многолетний опыт борьбы за национальный суверенитет чешский президент подытожил в книге «Европа: Крушение иллюзий»¹⁴, где с горечью констатировал подмену ключевых понятий, более полувека служивших стимулами и моральными ориентирами развития европейской цивилизации. По его убеждению, ЕС превратился в то, чем он является на сегодняшний день, только потому, что политические лидеры сочли удобным отвернуться от своих национальных государств. Такая переориентация обусловлена глубоким перерождением европейских политических систем. Политическая элита всегда знала, что перенос процесса принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет традиционные демократические механизмы (которые неотделимы от национальных государств) и тем самым радикально увеличивает ее власть. «Авторам концепции европейской интеграции удалось произвести короткое замыкание в умах людей, связав

¹⁴ Klaus 2012.

агрессивный национализм Гитлера... и тип традиционного национального государства, ставя под вопрос существование национального государства в целом. Среди многих роковых ошибок и лжи, которые всегда лежали в основе эволюции ЕС, — это одна из худших», — утверждает чешский консерватор¹⁵.

¹⁵ Цит. по: Вацлав Клаус б.з.

Примерно за неделю до выхода книги Клаус выступил с резкой критикой проекта реформирования ЕС, подготовленного в сентябре 2012 г. министрами иностранных дел стран Евросоюза¹⁶, назвав предусматриваемый им «новый импульс» к преобразованию Европейского союза в федерацию с собственным президентом и армией «заключительным этапом» уничтожения демократии и национального государства в Европе. Виновниками произошедшего чешский лидер считает «двуличных политиков», в том числе из среды консерваторов. Их усилиями (по инициативе одних, при непосредственной поддержке других и с молчаливого согласия третьих) был открыт путь трансформации ЕС в «супергосударство», где ответственность политиков перед своими избирателями превратится в малозначащую фикцию¹⁷. С горьким чувством Клаус описывает свои впечатления от состоявшегося незадолго до этого государственного визита в Италию. Общаясь с итальянскими коллегами, он, по его словам, столкнулся с четко выраженным стремлением уйти от ответственности за управление страной в условиях кризиса еврозоны. Согласие многих ведущих итальянских политиков на передачу полномочий из Рима в Брюссель было воспринято чешским консерватором как признание собственного бессилия и неспособности принимать самостоятельные решения¹⁸, подтверждающее диагноз, поставленный им Европе.

¹⁶ Заключительный доклад 2012.

¹⁷ См. Interview 2012.

¹⁸ Ibidem.

Кого же конкретно имел в виду Клаус, когда говорил о «двуличных политиках», продвигающих проект преобразования Евросоюза? По-видимому, речь шла в первую очередь о министре иностранных дел Германии Гидо Вестервелле, выступившем за отмену права вето членов ЕС в сфере оборонной политики и введение должности президента ЕС, избираемого прямым голосованием и уполномоченного лично назначать членов европейского правительства: в глазах Клауса предложенные меры фактически означали создание европейской армии и формирование единой исполнительной вертикали, пронизывающей все тело нового «супергосударства». Другим «двуличным политиком» был, судя по всему, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу, который в своем обращении к Европарламенту 12 сентября 2012 г. обозначил перспективы построения полноценной федерации в рамках ЕС. «Давайте не будем бояться этого слова», — призвал Баррозу парламентариев¹⁹. Это заявление вызвало бурную реакцию Клауса, который заметил, что подобные планы давно вынашивались сторонниками углубления европейской интеграции, но раньше люди, подобные Баррозу, держали свои амбиции в тайне от общественности²⁰.

¹⁹ См. José Manuel Durão Barroso 2012.

²⁰ См. Вацлав Клаус б.з.

²¹ См. Семушин 2012.

Согласно опросам общественного мнения, позицию Клауса в отношении Евросоюза разделяют три четверти граждан Чехии²¹, что,

конечно, в немалой степени объясняется тяжелым и даже трагическим опытом становления независимой чешской государственности в XX в. Этот опыт включает в себя образование Чехословацкой республики на руинах империи Габсбургов, ее ликвидацию Третьим рейхом, прямой диктат Москвы в социалистический период, наконец, посткоммунистический демонтаж Чехословакии и создание чешского национального государства. Принимая во внимание все перечисленное, особенно еще не забытые годы коммунистического правления, вполне понятно нежелание людей жертвовать выстраданной независимостью в угоду «магистральным направлениям», определяемым из Брюсселя. По мнению Клауса, вектор развития страны должен быть связан с восстановлением государственности и суверенитета, причем это относится не только к Чехии. ЕС следует двигаться не к федерации, а в противоположном направлении, к равноправному союзу национальных государств, если его руководство, одержимое идеей углубления интеграции, не хочет ввергнуть народы в новую пучину взаимной ненависти и ожесточения: «Они думают, что завершают концепцию Европы, но, в моем понимании, они разрушают ее. Мы были за вступление в ЕС, но не в федерацию, в которой мы превратились бы в незначущую провинцию»²².

²² *Цит. по: Вацлав Клаус б.г.*

На сегодняшний день Чехия, наряду с Великобританией, зарекомендовала себя самым решительным противником углубления европейской интеграции, в чем, бесспорно, немалая заслуга и Клауса. Его Гражданская демократическая партия нашла себе естественного союзника в лице британских консерваторов. Сотрудничество двух партий особенно ярко проявляется на уровне Европарламента, где они, как уже говорилось, входят в единую фракцию. Альянс британских и восточноевропейских евроскептиков выглядит вполне закономерным, учитывая их активное недовольство усилением стран «интеграционного ядра», в первую очередь Германии.

И все же «чешско-британский» союз не стоит переоценивать, поскольку он во многом носит декларативный характер и зиждется на общности взглядов, а не действий. Не случайно в своем интервью газете «Sunday Telegraph» Клаус был вынужден констатировать, что консерваторы в правительстве Кэмерона не лучше тех «двуличных политиков», которые «показывают одно лицо своим избирателям, а с другим выступают в Брюсселе на различных саммитах ЕС и других подобных мероприятиях». Говоря о «двуличии» в политике, чешский президент особо остановился на британских консерваторах после ухода Тэтчер: «Они при полной поддержке массового общественного мнения резко выступают против евро и дальнейшей передачи полномочий в Брюссель, завоевывая большое количество голосов. Но как только они ступают ногой на континент, их решимость бороться за эти принципы испаряется»²³. Тот же Кэмерон, представляя «евроскептическую» Великобританию на саммитах ЕС, ведет себя более чем сдержанно, и Клауса, по его собственным словам, «приводит в отчаяние» отсутствие борьбы вокруг ключевых вопросов европейской интеграции²⁴.

²³ *Там же.*

²⁴ *См. Interview 2012.*

* * *

Рассмотрим теперь политико-практические проявления «жесткого евроскептицизма», довольно заметно влияющего на умонастроения современных европейцев. Самой радикальной и последовательной евроскептической фракцией в Европейском парламенте является «Европа за свободу и демократию», объединяющая различные национально-консервативные, право-популистские и ультраправые партии из Италии, Франции, Греции, Дании, Литвы, Нидерландов, Словакии и Финляндии. В политической платформе фракции говорится: «Придерживаясь принципов демократии, свободы и сотрудничества между национальными государствами, Группа выступает за открытое, прозрачное, демократичное и подотчетное сотрудничество между суверенными европейскими государствами и отвергает бюрократизацию Европы и создание единого централизованного европейского супергосударства»²⁵.

²⁵ См. *Europe s.a.*

Среди наиболее известных партий, входящих в состав упомянутой фракции, — итальянская Лига Севера, Партия независимости Соединенного Королевства, «Истинные финны», Датская народная партия и греческое Народное православное движение. Для всех этих партий характерны антиинтеграционные установки, хотя не все они выступают за выход своих стран из ЕС. В Европарламенте имеются также представители ряда других ультраправых и национал-консервативных евроскептических партий, по тем или иным причинам не присоединившихся к «Европе за свободу и демократию», — в их числе Австрийская партия свободы, французский Национальный фронт и голландская Партия за свободу.

На сайте Датской народной партии в разделе, посвященном отношению к Европейскому союзу, провозглашается: «Народ может оказывать влияние только на национальные государства, в которых люди чувствуют свою естественную близость. Мы против развития Евросоюза в направлении Соединенных штатов Европы»²⁶. Партия выступает за тесное и дружественное сотрудничество в Европе — но только в таких областях, как торговля, экологическая политика и технологии. Как следует из текста документа, партия считает неприемлемым учреждение европейского политического союза: «Дания должна оставаться суверенным государством. Это означает, что ни один закон или резолюция не должны быть выше датской Конституции»²⁷. Весьма болезненно воспринимают датские национал-консерваторы и перспективу вхождения в Европейский союз Турции. Позиционируя себя в качестве едва ли не единственной политической силы в Европарламенте, стоящей на страже европейской идентичности, Датская народная партия заявляет о своей готовности приложить все усилия, чтобы «72 миллиона турок не получили свободного доступа в Европу»²⁸.

²⁶ См. «*EU-politik*» 2010.

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Ibidem.*

Хотя в целом прохладное отношение к европейскому интеграционному проекту фактически превратилось в одну из базовых установок

носителей консервативной идеологии, влиятельные правоцентристские партии обычно не декларируют свою приверженность принципам евроскептицизма в программных документах. Правые и ультраправые политические силы, напротив, открыто провозглашают себя противниками европейской интеграции или, по меньшей мере, ее углубления. На современной политической арене крупных партий антиинтеграционной направленности не так много, однако и мелким партиям, часто не имеющим представительства в национальных парламентах, удается заявить о себе не только через СМИ, но и используя общеевропейскую площадку — Европейский парламент. Ярким примером может служить Партия независимости Соединенного Королевства, которая по итогам выборов 2009 г. получила в Европарламенте 13 мест — больше, чем либеральные демократы, и столько же, сколько лейбористы.

Следует отметить, что среди национал-консерваторов, стоящих на позициях «жесткого евроскептицизма», имеются расхождения по вопросу о членстве в ЕС. Так, Датская народная партия и Партия независимости Соединенного Королевства заявляют о необходимости выхода своих стран из общеевропейского объединения. В свою очередь, голландская Партия за свободу, несмотря на критическое отношение к Евросоюзу, выступает лишь против его дальнейшего расширения и включения таких стран, как Турция. Общим является то, что и те и другие видят в централизованной наднациональной Европе искусственное образование, сводящее на нет политическую роль национальных государств и их народов, которое содействует размыванию культурной идентичности европейских наций и открывает путь исламизации Европы. Весьма примечательна в этом плане позиция Партии за свободу, в программе которой говорится о необходимости на конституционном уровне обеспечить защиту традиционных ценностей голландцев, и в первую очередь доминирование иудео-христианской и гуманистической культуры. Выступая 25 марта 2011 г. в Риме, лидер партии Герт Вилдерс заявил: «Права человека существуют для защиты индивидуумов, а не религий и идеологий. Тем временем кажется, что целью ЕС является разрушение старых суверенных наций и замена их периферийными идентичностями, являющимися клонами друг друга. Британистан не будет сильно отличаться от Нидерландистана, или Германистана и Италистана, или любой другой провинции европейского сверхгосударства. Мы должны вернуть себе Европу, а это можно сделать, лишь вернув власть назад государствам-нациям. Защищая государства-нации, которые мы любим, мы защищаем нашу идентичность. Защищая свою идентичность, мы защищаем себя от тех, кто хочет лишить нас наших корней»²⁹.

²⁹ Речь 2011.

В 2011 г. европейское политическое сообщество всколыхнула новость об успехе еще одной правопопулистской националистической партии, известной своей последовательной и жесткой критикой интеграционного проекта. Речь идет об «Истинных финнах», занявших на парламентских выборах в Финляндии третье место с очень небольшим отрывом от традиционных лидеров — правоцентристов и социал-

демократов. Внимание к выборам в Финляндии в немалой степени связано с их симптоматичностью. Как и другие правые популисты, «Истинные финны» уделяют приоритетное внимание проблемам иммиграционного регулирования, однако сегодня они привлекают сограждан прежде всего своим евроскептицизмом. Согласно партийной программе, ЕС может существовать только в формате объединения суверенных государств. Партия не приветствует углубление интеграции в вопросах обороны, валюты и социальной защиты³⁰.

³⁰ *True Finn 2011; Huhtanen 2011.*

Финляндия далеко не единственная страна, где правые популисты, включая еще недавно бывшие маргинальными партии, носящие клеймо «фашизоидных» за открытые и резкие выступления против миграции, в последние годы добились заметных успехов на выборах, тем самым получив возможность легально внедриться в государственные структуры. Данная тенденция отмечалась практически повсеместно. Подобного рода электоральный прорыв был не в последнюю очередь обусловлен поворотом правых популистов к теме пагубности форсированной евроинтеграции. В условиях нынешнего многомерного кризиса, породившего целый букет финансово-экономических и политико-институциональных проблем, жители ряда стран, традиционно служивших опорой Евросоюза, оказались гораздо более восприимчивыми к таким факторам, как паразитизм брюссельской бюрократии, унижительная зависимость от стран-аутсайдеров и т.п. Поэтому нынешним политикам-популистам куда удобнее и комфортнее эксплуатировать перечисленные раздражители, нежели вести изнурительную и неблагодарную борьбу с пока еще непобедимой европейской политкорректностью³¹. В то же время антииммигрантские и антиисламские лозунги, определяющие политический профиль национал-консерваторов, остаются в их арсенале и не снимаются с повестки дня. Они лишь менее акцентируются, но при первой благоприятной возможности, несомненно, зазвучат в полную силу.

³¹ *Никонов 2012.*

* * *

Интересы последовательных сторонников интеграции отражает Европейская народная партия (ЕНП). В настоящий момент эта панъевропейская общественно-политическая организация правоцентристского толка представлена во всех руководящих структурах Евросоюза³². По итогам состоявшихся в июне 2009 г. выборов партия получила 267 из 736 мест в Европарламент, и ее кандидат Баррозу вновь был избран на пост главы Еврокомиссии. К лету 2009 г. объединенные в рядах партии еврооптимисты занимали прочные позиции не только в брюссельских кабинетах, но и в руководстве ведущих европейских стран. Членами ЕНП являлись крупнейшие правящие партии, включая германский Христианско-демократический союз (ХДС) и французский Союз в поддержку народного движения. В результате через национальные партийные структуры в ЕНП входило свыше трети глав государств,

³² *См. EPP Platform s.a.*

участвующих в европейском проекте. Подобный расклад политических сил питал энтузиазм сторонников дальнейшей централизации и позволял им действовать более решительно, не оглядываясь на оппонентов.

На общем фоне выделяется позиция германского руководства, не без оснований считающего свою страну локомотивом евроинтеграции. Политические шаги Берлина особенно показательны в контексте обострения внутриевропейских противоречий, вызванных углублением кризиса еврозоны. Так, в конце 2011 г. ХДС принял резолюцию, призывавшую к внесению изменений в Лиссабонский договор и другие общеевропейские соглашения, с тем чтобы прописать процедуру добровольного выхода стран из валютного блока без отказа от участия в Европейском союзе³³. И хотя, по мнению ряда обозревателей, данный документ носит скорее символический характер³⁴, он четко показывает ход мысли европейских политиков в отношении долгового кризиса. Многие влиятельные представители европейского политического Олимпа явно озабочены поиском правовых механизмов для «сброса балласта». В качестве «лишнего груза» рассматриваются такие проблемные страны, как Греция.

Впрочем, в отличие от некоторых политических деятелей, высказывающихся в пользу принудительных процедур, канцлер ФРГ Ангела Меркель и ее ближайшие сторонники, например министр финансов Германии Вольфганг Шойбле, предпочитают говорить лишь о стратегии добровольного выхода из еврозоны. Меркель неоднократно подчеркивала свою однозначную позицию: еврозона должна быть сохранена. По убеждению лидера христианских демократов, долговой кризис позволит сделать очередной шаг к консолидации Евросоюза путем повышения дисциплины внутри валютного блока. Нужно только иметь мужество изменить европейский договор и предусмотреть возможность применения жестких автоматических санкций за его нарушение³⁵.

Инициированный ХДС проект спасения еврозоны предполагает общеевропейскую программу по поддержке стран-должников. Но для этого требуются немалые средства, источником которых должно стать повышение налогов в странах-донорах. И наиболее весомый вклад придется внести самой Германии. В конце сентября 2011 г., после рассмотрения правительством, пакет необходимых мер был передан в бундестаг. В результате канцлеру удалось настоять на своем: подавляющее большинство парламентариев проголосовало за предоставление Европейскому фонду финансовой стабильности (ЕФФС) дополнительных полномочий и средств. Принятое решение означало, что ФРГ будет выступать за увеличение финансирования ЕФФС и возьмет на себя значительную часть расходов. Основная часть выделяемых средств предназначалась Греции, находившейся на грани дефолта и социального взрыва, что вызвало критику со стороны некоторых депутатов от правящей коалиции, не веривших в эффективность дополнительной финансовой помощи этой стране и считавших, что финансовые вливания никак не изменят ситуацию в Греции и будут лишь пустой тратой денег³⁶.

³³ См. *Regierungserklärung 2011*.

³⁴ *Партия 2011*.

³⁵ *Regierungserklärung 2011*.

³⁶ См. *Debattentext 2011*.

Очевидным симптомом растущего недовольства политическим курсом Меркель стала серия неудач, постигших ХДС на земельных выборах 2011 г. В свете описанных событий неудивительно, что стремление канцлера спасти евро любой ценой теряет поддержку не только у избирателей, но и соратников по партии. Как отмечает председатель отделения ХДС в берлинском районе Штеглиц-Целендорф Торстен Хиппел, «финансовая мощь Германии не бесконечна. Если эта политика будет продолжаться, может случиться, что немцы подойдут к грани своих возможностей и будут не в состоянии платить миллиарды за чужие долги. Почему именно немцы должны помогать грекам, которые в ответ сравнивают нас с нацистами, лично я как представитель ХДС не понимаю»³⁷.

³⁷ *Цит. по: Кулагин 2011.*

Активная, целеустремленная, зачастую жесткая позиция Берлина и лично Меркель по вопросу европейской интеграции привлекает все более пристальное внимание наблюдателей, заставляя говорить о нарастающем германском доминировании в охваченной кризисом Европе. То же самое готовы констатировать и некоторые официальные лица ФРГ, видящие в происходящем повод для гордости. В ноябре 2011 г. глава фракции ХДС/ХСС в бундестаге Фолькер Каудер на съезде христианских демократов в Лейпциге во всеуслышание заявил: «Отныне Европа заговорила по-немецки». Эта фраза, многократно растиражированная СМИ, стала настоящим подарком для евроскептиков в Великобритании. Консервативная британская пресса увидела в словах Каудера неприкрытый диктат. В ее подаче соратник Меркель по партии утверждал, что страны ЕС следуют указаниям из Берлина и что Великобритании придется брать с них пример³⁸. Ответная волна негодования, захлестнувшая «туманный Альбион», подняла и без того высокий градус евроскептицизма.

³⁸ *Тинский 2011.*

Инцидент с Каудером — яркий, но далеко не единственный симптом усиления разногласий между Берлином и Лондоном. Внутри Евросоюза растет внутреннее напряжение, вызванное нарастанием двух противоположных тенденций — центростремительной, находящей свое выражение в попытках подняться на новый уровень интеграции, и центробежной, состоящей в стремлении выйти из-под контроля единых европейских структур. Отражением этой сложной ситуации является новая геополитическая реальность, характеризующаяся резким укреплением политических позиций Германии, падением влияния Франции и особым положением Великобритании, которая не намерена ставить свое будущее в зависимость от будущего Евросоюза.

Ряд признаков указывает на то, что Соединенное Королевство теряет интерес к Евросоюзу. Пока не ясно, каким образом реализуются новые установки Лондона: будет ли это окончательное расставание с ЕС или сохранение членства в нем, но в ином формате. Очевидно, что Берлин использует весь запас своего влияния, дабы скорректировать намерения британских партнеров, хотя изменившиеся условия оставляют ему мало шансов на успех. Традиционно в основе любого крупного

решения ЕС находилось франко-германское сотрудничество. В течение многих лет саммитам Евросоюза предшествовали двухсторонние встречи лидеров Франции и Германии или их совместные послания европейским властям. В период президентства Николя Саркози этот дуэт поддерживался. Французские и германские консерваторы сообщали критиковали британских евроскептиков, причем Саркози зачастую не стеснялся в выражениях. Новый президент Франции социалист Франсуа Олланд подчеркнуто сохраняет дистанцию в отношениях с Берлином. Впрочем, рассуждения о том, в какой мере это обусловлено партийными предпочтениями Олланда и насколько соответствует долгосрочным векторам французской политики, выходит за рамки данной статьи.

* * *

Итак, кризис европейской интеграции со всей отчетливостью обнажил процессы идейно-политического перерождения, которое переживают силы, позиционирующие себя в качестве консерваторов. Отчаянный евроскептицизм, как и столь же отчаянный еврооптимизм, в равной степени характеризуют болезненное состояние европейского консерватизма, отождествляемого со столь различными настроениями и векторами политической активности. Между тем для современной Европы (не важно, каким она представляет собственное будущее — в виде единого сверхгосударственного образования или совокупности суверенных национальных государств) идеология консерватизма сохраняет свою востребованность. Ныне, как и десятилетия назад, существуют серьезные вызовы, ответить на которые способны лишь консерваторы. Огромное множество, если не большинство европейских граждан заинтересовано в скорейшей выработке приемлемой и функциональной модели социального миропорядка с исторически укорененной системой ценностей и ориентиров развития. Упомянутая модель ни в коей мере не противоречит традиции индивидуализма, свободы и демократии, которая за последние полтора века стала частью европейской идентичности. Этот «социальный заказ», фактически сформированный в рамках консервативного дискурса, остается неактуализированным по причине отсутствия сил, готовых взять на себя его выполнение.

Библиография

Вацлав Клаус: *Двуличные политики Европы уходят от ответственности за крушение иллюзий* (<http://www.regnum.ru/news/polit/1574303.html>).

Заключительный доклад о будущем Еврогруппы. 2012 (http://www.baltexpert.com/2012/09/23/zaklju4it_doklad_es/).

Кулагин И. 2011. *Очередное поражение ХДС и судьба евро* (<http://politvektor.ru/analitika/5740/>).

Никонов В. 2012. Куда идет Европа? Ч. 2 // *Стратегия России*. № 11 (<http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0039.html>).

Партия Меркель призывает к созданию процедуры добровольного выхода из еврозоны. 2011 (<http://www.interfax.by/news/world/101911>).

Речь Герта Вилдерса в Риме, 25 марта 2011 г. (<http://right-world.net/news/349>).

Семушин Д. 2012. *Политический кризис в Чехии может взорвать правительственную коалицию изнутри* (http://asar.kz/nashe-intervmzyu/news_2012-07-20-09-12-56-281.html).

Тинский Г. 2011. *Европейский Союз. Версия 2.0. de* (<http://win.ru/geopolitika/1321953155>).

Фолькери К. *Напряжение в преддверии визита Кэмерона в Берлин* (<http://www.inosmi.ru/europe/20111118/177889480>).

Brief History of the ECR Group (http://ecrgroup.eu/?page_id=954).

Cameron D. 2011. *Speech at Lord Mayor's Banquet, London, 14 November: Full transcript* (<http://www.newstatesman.com/uk-politics/2011/11/european-british-world-russia>).

Cameron D. 2013. *EU Speech in Full* (<http://t.news.uk.msn.com/uk/david-cameron-eu-speech-in-full-239012>).

Debattentext zur Ausweitung des Euro-Rettungsschirms am 29 September 2011 (http://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2011/35862641_kw39_de_europa/index.html).

David Cameron Rocked by Record Rebellion as Europe Splits Tories Again. 2011 (<http://www.theguardian.com/politics/2011/oct/24/david-cameron-tory-rebellion-europe>).

EPP Platform (<http://www.epp.eu/sites/default/files/content/EN%20with%20cover.pdf>).

Europe of Freedom and Democracy (<http://www.efdgroupp.eu/index.php>).

«EU-politik». Dansk Folkeparti. Retrieved 25 October 2010 (<http://www.danskfolkeparti.dk/M%C3%A6rkesag-EU.asp>).

Holehouse M. *Conservative Party Conference 2011: Cameron Says UK Should Stay in the EU* (<http://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/8802097/Conservative-party-conference-2011-Cameron-says-UK-should-stay-in-the-EU.html>).

Huhtanen T. 2011. *Finnish Elections: What's Next?* (<http://thinkingeurope.eu/blog/finnish-elections-whats-next>).

Interview of the President of the Czech Republic for the Sunday Telegraph with Bruno Waterfield. 23.09.2012 (<http://www.klaus.cz/clanky/3191>).

José Manuel Durão Barroso President of the European Commission State of the Union 2012 Address Plenary Session of the European Parliament. 2012 (http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-12-596_en.htm).

Klaus V. 2005. *Why Europe Must Reject Centralisation* // *Financial Times*. 30.08 (<http://www.klaus.cz/clanky/1903>).

Klaus V. 2008. Ten Years of Euro: A Reason for Celebration? // *Financial Times*. 12.06 (<http://www.klaus.cz/clanky/1415>).

Klaus V. 2012. *Europe: The Shattering of Illusions*. — Bloomsbury.

Prague Declaration (<http://www.kayswinburne.co.uk/the-prague-declaration>).

Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Angela Merkel zum Europäischen Rat und zum Eurogipfel am 26 Oktober 2011 in Brüssel vor dem Deutschen Bundestag am 26 Oktober 2011 in Berlin (http://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/26_10_2011_Regierungserklaerung.pdf).

Szczerbiak A., Taggart P.A. 2008. *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism. Vol. 1: Case Studies and Country Surveys*. — Oxford.

Thatcher M. *Speech to the College of Europe («The Bruges Speech»*), 20.09.1988 (<http://www.margarethatcher.org/document/107332>).

True Finn Parliamentary Manifesto. 2011 (<http://www.perussuomalaiset.fi/getfile.php?file=1536>).